

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 328.185
doi: 10.17223/1998863X/68/18

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ И ЭМАНСИПАЦИЯ БИЗНЕСА ОТ КОРРУПЦИИ

Виктор Геннадьевич Бондарев¹, Александр Иванович Стребков²

¹ *Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия,
vicbondarev@mail.ru*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
a.strebkov@spbu.ru*

Аннотация. Представлен анализ политико-экономической природы коррупции, коррупционных рисков и роли государства в эмансипации бизнеса от коррупции. Приводятся аргументы, указывающие на объективный характер коррупции и коррупционных рисков, источником которых является конкуренция, дифференцирующая бизнес по степени силы обращения к административным факторам. Рассматривается роль государства в купировании коррупционных рисков и коррупционной эмансипации бизнеса.

Ключевые слова: бюрократия, бизнес, коррупция, коррупционные риски

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00115 <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>

Для цитирования: Бондарев В.Г., Стребков А.И. Коррупционные риски и эмансипация бизнеса от коррупции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 183–192. doi: 10.17223/1998863X/68/18

POLITICAL SCIENCE

Original article

CORRUPTION RISKS AND EMANCIPATION OF BUSINESS FROM CORRUPTION

Viktor G. Bondarev¹, Alexandr I. Strebkov²

¹ *Northwestern Branch of "The Russian State University of Justice", St. Petersburg,
Russian Federation, bondarev@szfrgup.ru*

² *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, a.strebkov@spbu.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of the political-economical origin of corruption, corruption risks and the role of the state in emancipation of business from corruption. The reasons defining the objective nature of corruption and corruption risks are given on the

basis of competition marking business by the extent of the recourse to administrative factors as well as by the part of the state in countering corruption risks and corruptive emancipation of business. Like the defense mechanism for business the state in the face of competition doesn't cope with the shielding any business caught in a difficult economic situation without standing the competition. Specifically the state triggers off higher competition because of the negligence to interests of any certain business or entire industries. If the necessity in corruption is predetermined by business also the suggestions from business are predetermined by civil servants who are ready to support this necessity notably to their greatest advantage. The concept of corruption is defined as objective peculiarity of the modern society, as the result of competition specifying by commodity and money relations. Corruption itself sets the direction of corruption risks identification. Arising from competition, corruption risks constitute a prospective of entering of political-economic agents into a form of commodity and money relations resulting in purchase-sale of goods ineligible to be privatized on political, moral and traditional grounds. The necessity of re-examination of laws in the part of their influence business needs to ignore the law is given in the findings. The state should be greatly approved in its striving to facilitate relations with business, to remove barriers in formation and to support favorable reproduction. All this leads to emancipation of business which in turn provides more acceptable climate for reproduction and hence reduces the demand for private services of civil servants.

Keywords: bureaucracy, business, corruption, corruption risks

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00115 <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>

For citation: Bondarev, V.G. & Strebkov, A.I. (2022) Corruption risks and emancipation of business from corruption. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 183–192. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/18

29 июня 2018 г. Президент РФ подписал Указ «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» [1], а 16 августа 2021 г. за № 478 подписан Указ Президента РФ «О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» [2]. Не подвергая сомнению успешное выполнение Указа Президента от 29 июня 2018 г., необходимо осмыслить используемое в Планах 2018 и 2021 гг. понятие «коррупционные риски» и механизмы противодействия им. Вместе с тем представляется актуальным рассмотреть коррупционные риски не в аспектах конкретных мероприятий, предписываемых Планами, а в сложившихся формах взаимодействия бизнеса и государства.

Из содержания Планов становится понятным, что коррупционным рискам подвержены закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также отдельные сферы хозяйственной деятельности (ст. 16, п. б) и ст. 34 Плана 2018 г.). К примеру, в Плане 2021 г. основной упор делается на выявление и анализ коррупционных рисков в муниципальном и государственном управлении, на подготовку методических рекомендаций по вопросам выявления и минимизации коррупционных рисков, на обобщение статистических данных и информации о выявленных коррупционных рисках, о минимизации коррупционных рисков в результате обеспечения открытости и прозрачности процедур определения стоимости, находящихся в государственной и муниципальной собственности объектов недвижимого имущества. Планируется осуществлять мониторинг практики применения цифровых технологий в минимизации и устранении коррупционных рисков в государственных и муниципальных закупках (ст. 1, п. а), ж); ст. 10; ст. 25, п. б); ст. 28, п. в); ст. 52, п. б)). Заметим, что количество меро-

приятый, связанных с определением, выявлением, минимизацией коррупционных рисков, в Плане 2021 г. значительно увеличивается, а проблема предотвращения коррупционных рисков становится одной из важных в определении антикоррупционной государственной политики в ближайшей перспективе.

В то же время актуализируется теоретическая проблематика коррупционных рисков, так как искоренение коррупции является одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности [3]. Востребованность же теоретического обоснования социальных условий, влекущих за собой коррупционные риски, не получает должного отклика в обществоведческих науках, отсутствует единообразное толкование самого термина «коррупционные риски», несмотря на то что он «широко распространен в работах, затрагивающих вопросы противодействия коррупции в тех или иных сферах» [4. С. 63]. А.В. Помазуев отмечает, что данному «легальному» термину следует придать некоторую определенность, и «коррупционный риск» определяет как «обобщенную оценку вероятности возникновения коррупции и ее угрозы общественным отношениям» [4. С. 65]. Однако, думается, термин «вероятность» возникновения коррупции вряд ли может помочь в определении коррупционных рисков. Вероятность наступления какого-либо отношения, а коррупция есть нечто иное, как отношение, возможна при условии, что данное отношение есть чужеродное отношение рационально организованного общества, есть побочный продукт данного общества, тогда как в действительности коррупция есть закономерный продукт такой организации общества, которая опирается на товарно-денежные отношения, на отношения купли-продажи. Поэтому с таким общественным явлением, как коррупция, надо обходиться не как с вероятностным отношением, а закономерным, присущим существующему способу производства, но выступающему в своих частных проявлениях как игнорирование принятых в обществе правовых норм обмена.

Игнорирование правовых норм обмена может и носит вероятностный характер, однако данное игнорирование приводит к коррупции в случаях обостренной конкурентной борьбы, выталкивающей на поверхность экономических отношений субъектов, которые в поисках факторов, снижающих издержки производства и обмена, видят лишь один из них – административный фактор. Это связано с тем, что современное государство превращено в такого же экономического агента [5. С. 12], как и многие компании, производящие товары и услуги, а также с уровнем конкуренции, силу давления которой не могут, по различным причинам, выдержать некоторые компании, не могут не разориться. Нельзя согласиться в определении коррупционных рисков и с тем, что они угрожают общественным отношениям. Подобная угроза была бы действительной, а не только мыслимой А.В. Помазуевым, при условии, если общественные отношения не опирались на товарно-денежные отношения. Но так как все современное российское общество является товарно-денежным обществом, то коррупция есть механизм возврата в товарное состояние того, что уже, согласно правовой норме, перестает быть товаром. Недаром российские приватизаторы первой волны, такие как А. Чубайс, полагали, что «коррупция – это есть прогресс» [6]. Поэтому неправомерно определять коррупционный риск через обобщенную оценку вероятности возникновения коррупции, а также неправомерно придавать коррупции свойства, которыми она не может быть наделена.

Тогда что же такое коррупционные риски? Для ответа на вопрос необходимо определить, что представляет из себя коррупция в товарно-денежных отношениях. Несмотря на множество терминологических характеристик коррупции [7], на наш взгляд, наиболее приемлемым является определение, основанное на политико-экономическом понимании данного явления, поскольку коррупция есть форма связи людей, опосредованная вещами, принявшими форму товара. Коррупция – это форма обмена, «когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносятся на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую ее истинной стоимости» [8. С. 73–74], которая в силу общественной необходимости начинает ограничиваться законом и вытесняется из легальных форм обмена. Действия, направленные на придание меновой стоимости товарам и услугам, которые в силу общественной необходимости не могут стать таковыми, определяются как асоциальные действия, а связи, возникающие между действующими индивидами как асоциальные связи. Таким образом коррупцией обозначаются такие их формы из всей совокупности меновых связей, которые придают отдельным экономическим агентам дополнительные преимущества, вытекающие не из технико-технологических преимуществ, а социальных, принадлежащих всему обществу в целом, получаемых не в силу общественной, а в силу индивидуальной необходимости.

Коррупционный риск, будучи следствием конкуренции, есть не столько потенция последней, сколько действительно воспроизводимый результат, в силу чего она должна быть включена в определение термина «коррупционные риски». Коррупционный риск предстает перед нами как следствие конкуренции, которая всегда порождает победителей и побежденных, всегда кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Эта игра с нулевой суммой приводит тех, кто на грани проигрыша, двигаться в направлении приобретения факторов производства и обмена, обладающих неоспоримыми преимуществами. Данный преимущественный фактор подталкивает к совершению коррупционных действий для выживания бизнеса, получения минимальной, средней или сверхприбыли.

Коррупционные риски есть величина постоянная для всего бизнеса и относительная для каждого в отдельности. Один бизнес, капиталы которого велики, мало подвержен этим рискам, а другой, капиталы которого не столь значительны, подвержен им в большей степени. Эта закономерность показывает, что именно конкуренция, являясь катализатором коррупционных рисков, усиливает притяжение бизнеса к бюрократии, властному распределителю общественного богатства, как немаловажному фактору производства и обмена. Коррупционный риск есть невозможность получения преимуществ из имеющихся факторов производства кроме административного, как единственного и имеющегося постоянно в наличии, ибо государство как фактор производства и обмена начинает играть большую роль в экономической сфере в государственно-монополистической стадии развития капитала. Тем самым не о вероятностном содержании коррупционных рисков должна идти речь, а о закономерностях, в которых не последнюю роль играет государство, юридически защищающее конкуренцию [9]. Надо говорить не о субъективности коррупционного риска, приходящегося на того или иного агента экономики, а об объективности, о риске как законе существующего способа

производства, являющегося следствием конкуренции и ее значения для общества, но при этом видеть проявление этого объективного закона в действиях тщеславного и жадного до наживы чиновничества, продавшего душу и телом государству, пытающегося ежедневно и ежечасно продать это государство по мелочам, «если это может дать им какую-либо выгоду» [10. С. 477].

Защищая конкуренцию, государство тем самым берет на себя долю ответственности в культивировании коррупционных рисков и самой коррупции, от которой стремится избавиться не только само, но избавить общество в лице того же бизнеса. Требование максимума свободы бизнес-процессам есть требование снижения, а в некоторых случаях полного исключения влияния государства на бизнес. Интерес бизнеса в купировании влияния государства на него распространяется также и на административный фактор. Однако в самом бизнесе нет единого мнения на роль и значение государственного вмешательства в бизнес [11. С. 19–20] в силу того, что сам бизнес дифференцирован по капиталам и по доле богатства, получаемого на различный капитал. Недостаток условий или факторов производства и обмена, увеличивающих риски банкротств и разорений, толкает компании на действия коррупционного характера. Поэтому бизнес становится инициатором коррупционных отношений в силу наступившей дифференцированной необходимости его сохранения.

Бизнес, иницируя коррупционные отношения, производит и мотив у противоположной стороны взаимодействия, которая, в силу своего положения в системе отношений собственности, является лицом, уполномоченным осуществлять контроль за распределением последней. Юридический закон в экономическом генезисе коррупции не разбирается и объявляет государственного или муниципального служащего инициатором коррупционных отношений, превращая коррупцию в субъективную субстанцию, в растерянные или неприобретенные качества человека [12], тогда как в действительности она есть объективное отношение, о чем мы уже говорили, есть следствие конкуренции и вечного двигателя капиталов и всего капиталистического способа производства – прибыли, даже при условии, что она корректируется в своей величине общественным мнением, господствующими ценностями и государством. Она порождает спрос на минимум издержек и находит их в самом слабом звене устройства общества – в бюрократии. Использование служебного положения в целях получения выгоды денежного или иного имущественного характера для закона является исходным и окончательным пунктом коррупции, тогда как коррупция есть способ взаимодействия, в котором как минимум существуют две стороны. Коррупция есть продукт данного взаимодействия и в то же время форма, в результате которой выгода равным образом распределяется между контрагентами. Односторонность закона противодействия коррупции влечет за собой фрагментарный взгляд на коррупцию, загоняет чиновника в рамки дозволенного и тем для него возрастают риски быть осужденным, что увеличивает потолок вознаграждения за игнорирование закона. Закон противодействия коррупции не убавил коррупционных рисков, он их прибавил, а так как риски имеют цену, то доплата за них начинает исчисляться миллиардами.

С экономической точки зрения коррупция есть обыденный акт купли-продажи, где как на стороне спроса, так и на стороне предложения нет ничего

кроме выгоды. А когда начинает говорить выгода, все отношения, помимо экономических, не принимаются в расчет. Игнорирование закона в коррупционных отношениях как одной, так и другой стороной взаимодействия обусловлено объективно, порождая совпадающий интерес, противостоящий государству как целому, а не закону о противодействии коррупции. Поправки подлежат государству как собственник общественных благ, а не только как собственник права. Формируются альтернативные государству формы объединения, противостоящие ему и угрожающие. Поэтому государственное противодействие коррупции должно быть не противодействием чиновнику, неправомерно использующему свое служебное положение, а противодействием негосударственным формам объединения чиновников, противостоящим и угрожающим самому государству и его безопасности.

Однако игнорирование допустимого законом есть действительная компенсация для бизнеса положения экономического «изгоя» в существующих отношениях. Если отношения не могут поддерживать существующий бизнес, не создают условия для его безопасного существования, то эти отношения находятся за пределами государства, за рамками контролируемых государством. Такое же игнорирование закона наблюдается и на стороне чиновничества, или «государства-бюрократа», как говорит А.В. Бузгалин. «В этом своем качестве государство выступает уже не просто как представитель интересов капитала как целого и себя самого как бюрократического аппарата управления, а одновременно еще и как особый капиталист – собственник и предприниматель» [5. С. 12], что не освобождает бюрократию от такой же конкуренции, каковой она представлена в бизнесе.

Гельвеций, определяя коррупцию как «всеобщую анархию интересов», как «несоответствие между частным и общественным интересом», полагал, что она может быть купирована «крупными наградами за добродетель», с одной стороны, и «угрозой бесчестия и наказания» – с другой [13. С. 57]. Но, как показывает современная практика, ни награда, ни угроза бесчестия и наказания не приносят ощутимых успехов в борьбе с коррупцией. Игнорирование закона бюрократией, а тем более если это игнорирование до поры до времени скрыто от публики, есть ее социальное свойство, вытекающее из свойства государства-бюрократа быть «особым капиталистом – собственником и предпринимателем». Воспроизводство коррупционных связей предопределено объективным стремлением класса бюрократии быть полноправным субъектом собственности. Но сдерживаемый государством в этом стремлении класс выталкивает его отдельных представителей, для которых нереализуемый интерес класса становится личным интересом, окончательной мерой человеческих действий.

Субъективная предрасположенность к коррупции есть продукт рефлексии объективного положения бюрократии в системе товарно-денежных отношений. Коррупционный сбор неминуем со стороны бюрократии, как неминуемы недокументированные доходы на стороне бизнеса. Государство, являясь защитным механизмом всего класса капиталистов, не в состоянии в условиях конкуренции эффективно защищать отдельного из них, попавшего в трудную экономическую ситуацию, проигрывающего конкуренцию. Тем более если высокая конкуренция спровоцирована самим государством, его небрежностью в отношении интересов того или иного отдельного бизнеса

или целых отраслей. Если потребность в коррупции заранее предопределена со стороны бизнеса, то также предопределены и предложения со стороны чиновничества, готового не просто поддержать эту потребность удовлетворением, а удовлетворить ее с выгодой для себя. В данной ситуации напрашивается вывод о том, что для снижения коррупционных рисков, эмансипации бизнеса от них необходима ревизия законов в части их влияния на формирование потребности у бизнеса игнорировать закон. Стремление государства упростить взаимоотношения с бизнесом, снять нагромождение барьеров в его становлении и положительном воспроизводстве заслуживает всемерного одобрения, потому что в результате раскрепощения бизнеса условия для его воспроизводства становятся приемлемыми, а значит снижается спрос на частные услуги чиновников.

Не секрет, что иногда законы формулируются таким образом, чтобы сузить правовое пространство функционирования бизнеса, не создавать ему благоприятных политико-правовых условий, а наоборот, создавать условия неблагоприятные, гипертрофируя потребность бизнеса в услугах за пределами закона. Искусственно создаваемые правовые барьеры для бизнеса порождают среды для коррупционных рисков. И здесь деятельность законодателя, ограничивающего правовое пространство для бизнеса, вполне может быть отнесена к коррупции, угрожающей развитию страны в целом. Ответственность не столько моральная, сколько материальная за законы, увеличивающие зоны распространения коррупционных рисков, должна лежать на юристах, правительстве и парламентах, формулирующих, представляющих и принимающих законы. Счетная палата как высший орган государственного аудита могла бы расширить свои полномочия до государственно-правового аудита законов, регулирующих бизнес в стране, с целью выявления тех из них, которые предрасположены к созданию зон коррупционных рисков. Эта ревизия законов необходима для того, чтобы самому государству уяснить долю законодательства в искусственном формировании коррупционных рисков, а тем самым расширить, а может быть, и сузить границы правового поля функционирования бизнеса.

Избыточный контроль государства за отношениями, предлагаемыми для функционирования бизнеса, выталкивает его из политико-экономической сферы в чисто экономическую, в которой господствуют законы той стадии капитализма, где «механизмы рынка, заменяя собой процедуры взаимных контрактных обязательств, отныне позволяют мыслить общество биологически, а не политически (механически)» [13. С. 71]. Отрицание бизнесом и бюрократией государства как властвующей инстанции, перевод отношений из сферы политико-экономической в сферу чистой экономики есть предпосылка появления коррупционных рисков. В результате чего посредническая миссия государства попирается, реализуется принцип полной свободы бизнеса, над которым властвует лишь рынок без политических примесей. Перевод политико-экономических отношений в чисто экономические отношения, исключение государства из отношений с бизнесом есть тенденция, принимающая форму объективного закона, а вместе с тем политического движения против государственного вмешательства в рынок. Как рынок не может быть социально ориентированным, так он не может быть ориентированным на право или закон. Рынок как величайший эгоист ориентирован лишь на самого себя,

на свое воспроизводство, а вместе с тем на организацию общества, состоящего всего лишь из продавцов и покупателей. Для рынка все законы вне рамок отношений торговли есть избыточные законы. Они сковывают его, и их игнорирование объективно оправдывается потребностями рынка в расширении. Но игнорирование закона как блага, принадлежащего всему обществу, есть покушение на общественную собственность, есть попытка ее превращения в частную собственность. Тем самым происходит процесс превращения общественного, что не может быть предметом купли и продажи, в частное, а вместе с тем в фактор производства, снижающий издержки производства, отодвигающий банкротства и разорения, как крайний случай. Государство, задерживающееся в реализации бизнес-интереса, само создает среды, где спрос на коррупцию становится высоким. А чем спрос выше, тем предложение становится безоглядным, риски быть наказанными за коррупционные действия становятся субъективно оправданными объемом кэша, выгодой и обеспеченной старостью.

Борьба государства с коррупцией обусловлена интересами бизнес-сообщества в равных условиях соревнования ради прибыли. Бизнес в целом заинтересован в снижении уровня коррупционной составляющей отдельных бизнесов. Государство – хороший инструмент, избавляющий предпринимателей от коррупционных рисков созданием равных правовых условий, но равная правовая мерка к дифференцированному бизнесу порождает избыточное давление конкуренции в сравнении с той, которая обусловлена законами экономики. Эмансипация бизнеса от коррупции становится политической проблемой и решается дотационной политикой, позволяющей бизнесу существовать и развиваться, легально получать административный ресурс. Тем самым бизнес укрепляет экономический иммунитет от коррупционных рисков снижением коррупционной потенции. Однако государственный юридический контроль за деятельностью чиновников усиливает позиции бизнеса, особенно малого и среднего, в их отношении с бюрократией. Но, как показывает практика, сила юридического закона не может удержать в своих каменных деснищах экономические законы, согласно которым все должно приобрести товарную форму – продано и куплено. Значит поход бизнеса за дешевыми административными факторами производства не завершится до тех пор, пока действуют законы товарно-денежного обращения.

Понимание коррупции как объективной закономерности современного общества, как следствия конкуренции, определяемой товарно-денежными отношениями, задает направление в определении коррупционных рисков. Коррупционные риски есть обусловленная конкуренцией перспектива вхождения политико-экономических агентов в такую форму товарно-денежных отношений, в результате которой купле-продаже подвергаются товары и услуги, которые не могут по политическим, моральным и традиционным основаниям быть приватизированы. Коррупционные риски есть перспектива вхождения экономических агентов в нелегальные товарно-денежные отношения, а нелегальными товарно-денежными отношениями являются законодательно не легитимированные отношения. Поэтому коррупционные риски есть объективно представленные риски, как объективно представлены такие формы товарно-денежных отношений, которые вне контроля государства. Всякое движение бизнеса и бюрократии в направлении вхождения в товарно-

денежные отношения, существующие вне связи с законом, его игнорирование есть движение в направлении коррупции, за исключением тех нелегальных форм товарно-денежных отношений, в которых легальный бизнес не является их субъектом.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // URL: <https://base.garant.ru/71977694/> (дата обращения: 02.02.2022).
2. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/1jCHkSUZfQrWPqorbgSagYA86AgH2Cj.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
3. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
4. Помазев А.В. Коррупционные риски: понятие и значение для механизма противодействия коррупции // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 2.
5. Бузгалин А.В. Государство в экономике XXI в.: политико-экономическая интерпретация // Актуальные проблемы экономической теории. 2019. № 3 (86).
6. Полеванов В. Неприкасаемый Анатолий Чубайс – «магистр» Реформации, которой не было // Завтра. 2002. 23 апреля.
7. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб.: Изд-во Р. Асланов «Юридический центр Пресс», 2005. 329 с.
8. Маркс К. Нищета философии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд-е второе. М.: Гос. изд-во полит. литерат., 1955. Т. 4. 615 с.
9. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2022 года (ред. 57). URL: <https://logos-pravo.ru/zakon-no-135-fz-o-zashchite-konkurencii> (дата обращения: 30.03.2022).
10. Энгельс Ф. Армии Европы. Русская армия // К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Изд-е второе. М.: Гос. изд-во полит. лит. Т. 11. 788 с.
11. Колганов А.И. Будущее государства в экономике: российские дискуссии и их международный контекст // Актуальные проблемы экономической теории. 2019. № 3 (86).
12. Фаризова С. Дмитрий Медведев обнаружил истоки коррупции // Коммерсант. 2008.27.02.
13. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка / пер. с фр. А. Зайцевой; науч. ред., ред. пер. и пред. В. Каплуна. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 256 с.

References

1. Russia. (2018) *Ukaz Prezidenta RF ot 29 iyunya 2018 g. № 378 “O natsional'nom plane protivodeystviya korruptsii na 2018–2020 gody”* [Decree No. 378 of the President of the Russian Federation of June 29, 2018, “On the National Anti-Corruption Plan for 2018–2020”]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/71977694/> (Accessed: 2nd February 2022).
2. Russia. (2021a) *Ukaz Prezidenta RF ot 16 avgusta 2021 g. № 478 “O natsional'nom plane protivodeystviya korruptsii na 2021–2024 gody”* [Decree No. 478 of the President of the Russian Federation of August 16, 2021, “On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024”]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/1jCHkSUZfQrWPqorbgSagYA86AgH2Cj.pdf> (Accessed: 2nd February 2022).
3. Russia. (2021b) *Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 “O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii”* [Decree No. 400 of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZmR5cER0g5tZC.pdf> (Accessed: 2nd February 2022).
4. Pomazuev, A.V. (2016) *Korrupsionnye riski: ponyatie i znachenie dlya mekhanizma protivodeystviya korruptsii* [Corruption Risks: Concept and Significance for the Anti-Corruption Mechanism]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2.

5. Buzgalin, A.V. (2019) Gosudarstvo v ekonomike XXI v.: politiko-ekonomicheskaya interpretatsiya [State in the Economy of the 21st Century: Political and Economic Interpretation]. *Aktual'nye problemy ekonomicheskoy teorii*. 3(86).
6. Polevanov, V. (2002) Neprikasaemyy Anatoliy Chubays – “magistr” Reformatsii, kotoroy ne bylo [Untouchable Anatoly Chubais – “a master” of the Reformation that did not exist]. *Zavtra*. 23rd April.
7. Golik, Yu.V. & Karasev, V.I. (2005) *Korrupsiya kak mekhanizm sotsial'noy degradatsii* [Corruption as a mechanism of social degradation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
8. Marx, K. (1955) Nishcheta filosofii [Poverty of Philosophy]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Gos. izd-vo polit. literat.
9. Russia. (2006) *Federal'nyy Zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ “O zashchite konkurentsii” s izmeneniyami, vstupivshimi v silu s 01.01.2022 goda (red. 57)* [Federal Law No. 135-FZ dated July 26, 2006, “On Protection of Competition”, as amended since January 1, 2022 (rev. 57)]. [Online] Available from: <https://logos-pravo.ru/zakon-no-135-fz-o-zashchite-konkurencii> (Accessed: 30th March 2022).
10. Engels, F. (1955) Armii Evropy. Russkaya armiya [Armies of Europe. Russian Army]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 11. Translated from German. Moscow: Gos. izd-vo polit. literat.
11. Kolganov, A.I. (2019) Budushchee gosudarstva v ekonomike: rossiyskie diskussii i ikh mezhdunarodnyy kontekst [The future of the state in the economy: Russian discussions and their international context]. *Aktual'nye problemy ekonomicheskoy teorii*. 3(86).
12. Farizova, S. (2008) *Dmitriy Medvedev obnaruzhil istoki korrupsii* [Dmitry Medvedev discovered the origins of corruption]. *Kommersant*. 27th February.
13. Rozanvallon, P. (2007) *Utopicheskiy kapitalizm. Istoriya idei rynka* [Utopian capitalism. The history of the idea of the market]. Translated from French by A. Zaytseva. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

Сведения об авторах:

Бондарев В.Г. – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vicbondarev@mail.ru.

Стребков А.И. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.strebkov@spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bondarev V.G. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Humanities and Social-Economic Disciplines Department of the Northwestern Branch of “The Russian State University of Justice” (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: bondarev@szfrgup.ru

Strebkov A.I. – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Conflictology Department of the St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.strebkov@spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 05.05.2022;
approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 26.08.2022